

Антрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна изданію—за годъ (№0 №№): безъ доставки—2 р., съ доставкою на домъ въ Москвѣ—2 р. 50 к. и съ пер. въ другіе города—3 р. 50 к., за полгода: безъ доставки 1 р. 25 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. 50 к., и съ пересылкою въ другіе города 2 р., за 3 мѣсяца: безъ доставки 75 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. и съ пересылкою въ другіе города 1 р. 50 к. Цѣна отдѣльному экземпляру нумера 10 к. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ Антракта при типографіи Н. И. Смирнова (на Никольской улицѣ), въ типографіи императорскихъ театровъ Т. Раса (у Мясницкихъ воротъ), у книгопродавцевъ: бр. Сазаевыхъ, Улитина, Соловьева, Черенина и Глазунова, въ магазинахъ Нерадовскаго и Корещенко старшаго, въ почтамтѣ и во время спектаклей въ книжной лавкѣ Большаго театра; въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ.

Содержаніе: Московскій театръ, В. И. Родиславскаго.—Письмо къ г. Ростиславу по поводу появленія г. Нильскаго въ роли Юанна Грознаго, *Графа К. А. Толстаго*.—Отвѣтъ г-ну Вильде, А. Н. Плещеева.—Смѣсь (Еще о народномъ театрѣ. Абонементъ на итальянскую оперу въ Москвѣ. Празднество закладки чешскаго театра въ Прагѣ. Юбилей П. С. Фодорова).—Объявленіе.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Съ сценическими способностями г-жи Фоглеръ, дебютировавшей 13 мая, на Маломъ театрѣ, въ роли Доринны, въ *Тартюфѣ*, мы познакомились въ первый разъ при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Это было два года тому назадъ, великимъ постомъ. Въ Маломъ театрѣ былъ такъ называемый школьный спектакль, на которомъ испытывалось и нѣсколько постороннихъ лицъ, желавшихъ дебютировать на московской сценѣ. Въ числѣ этихъ лицъ была и г-жа Фоглеръ; она исполняла сцену изъ пьесы Островскаго *На бойкомъ мѣстѣ*, одну изъ самыхъ трудныхъ и патетическихъ въ роли Аннушки. Испытаніе на школьномъ спектаклѣ—дѣло весьма трудное; зрителями бывають тамъ только лица, принадлежащія къ театральной администраціи, и артисты театра, т. е. только лица компетентныя, а эта компетентность публики, отъ приговора которой болѣе или менѣе должна зависѣть судьба испытывающихся, т. е. допущеніе до дебюта, очень парализируетъ дебютанта; притомъ ничего не можетъ быть труднѣе исполненія отдѣльной сцены, особенно патетической, такъ, вдругъ, ex abrupto, ни съ того ни съ сего, сцены, ничѣмъ неподготовленной, безусловной предшествовавшимъ развитіемъ пьесы. Кромѣ того, при испытаніи г-жи Фоглеръ, на сценѣ не было соотвѣтствующей пьесѣ обстановки. Но, не

смотря на все это, мы были удовлетворены игрою г-жи Фоглеръ и замѣтили, что она одарена хорошими сценическими способностями, особенно для передачи ролей драматическихъ. Съ тѣхъ поръ мы видѣли г-жу Фоглеръ не разъ въ спектакляхъ Артистическаго Кружка, но тамъ она уже исполняла роли преимущественно комическія и, не смотря на ея болѣею частію удовлетворительную игру въ этихъ роляхъ, мы все таки остались при прежней мысли, что дебютантка эта была бы скорѣе полезна для ролей драматическихъ.

Но не такъ видно думала сама дебютантка, или, по крайней мѣрѣ, лица, руководившія ея выборомъ роли для дебюта: при первомъ выходѣ г-жи Фоглеръ на публичную сцену, мы снова увидали ее въ комедіи. Г-жа Фоглеръ обладаетъ достаточными для сцены физическими средствами: выразительной наружностью, и главное,—хорошимъ и достаточно сильнымъ органомъ и чистымъ, внятнымъ произношеніемъ, что для сцены весьма важно, потому что голосъ—одно изъ самыхъ главныхъ и сильныхъ средствъ для актера. Въ исполненіи г-жею Фоглеръ роли Доринны видна была игра, нелипенная жизни, одушевленія, живости и веселости, хотя послѣднія два качества и отзывались чѣмъ-то дѣланнымъ, предвзятымъ заранѣе, а не проявлялись въ дебютанткѣ сво-одно и непринужденно. Видно было, что она до нихъ дора-

ботывалась, что она старалась быть живою и веселою, а не была ею на самомъ дѣлѣ. Вѣроятно для того, чтобы казаться болѣе живою, дебютанткѣ какъ-то не стоялось на мѣстѣ, ноги ея постоянно были въ движеніи, при чемъ она довольно часто какъ-то неловко присѣдала и подпрыгивала. При томъ игра ея была нѣсколько манерна, но все таки въ общемъ недурна, и такъ какъ г-жа Фоглеръ обладает достаточными сценическими способностями, то пріобрѣтеніе ея для нашей труппы, все болѣе и болѣе разстраивающейся въ своемъ персоналѣ, было бы лишнее. Публика приняла г-жу Фоглеръ очень благосклонно и почтила нѣсколькими вызовами.

Кромѣ г-жи Фоглеръ въ представленіи *Тартюфа* 13 мая мы видѣли еще новую исполнительницу, воспитанницу нашего театральнаго училища г-жу Зеликову, въ первый разъ игравшую роль дочери Оргона, Марианны. Общее исполненіе роли было недурно; недурно прошла у ней и сцена съ Валеромъ, хотя мы все-таки пожелали бы ей въ этой сценѣ больше искренности; а особенно хорошо были произнесены ею въ 5-мъ актѣ слова, обращенныя къ Тартюфу и полныя негодованія:

Навѣрно душу тотъ имѣетъ очень злую,
Кто принялъ на себя обязанность такую.

По за то монологъ въ 4-мъ актѣ, въ которомъ Мариана упрямиваетъ отца не выдавать ея за Тартюфа, произнесенъ былъ слишкомъ холодно. Дѣвушка любитъ молодаго человѣка, а отецъ хочетъ выдать ее за другаго, и за кого же, за Тартюфа, котораго она терпѣть не можетъ,—и вотъ она валяется въ ногахъ отца и молить и проситъ оставить его намѣреніе. Развѣ это можно выразить, какъ дѣлала г-жа Зеликова, только одною плаксивостью голоса, да по временамъ поднесеніемъ платка къ глазамъ?

Заговоривъ о *Тартюфѣ* на нашей сценѣ, мы не можемъ не принести благодарности г-жѣ Медвѣдовой за вниманіе ея къ нашимъ словамъ. Говоря о представленіи этой пьесы въ бенефисъ г-жи Чумаковской (*Антрактъ* 1867 года, № 39), мы замѣтили о нѣкоторой манерности этой артистки въ иныхъ мѣстахъ роли и для примѣра указали два мѣста. Теперь оба эти мѣста г-жею Медвѣдовою исправлены. Видя, что г-жа Медвѣдова такъ внимательна къ словамъ критики (что дѣлаетъ большую честь артисткѣ), мы напомнимъ еще одно сдѣланное ей замѣчаніе, не нами, а критикомъ *Русскихъ Вѣдомостей*, замѣчаніе совершенно справедливое, что костюмъ, въ который одѣта г-жа Медвѣдова въ этой роли на нашей сценѣ, совершенно нейдетъ только что оправившейся послѣ болѣзни Эльмирѣ. Къ чему эти перья и жемчугъ на головѣ? Правда, въ переводѣ Хмѣльницкаго они упоминаются, но у Мольера ихъ нѣтъ и лучше эти стихи такъ неудачно вставленные переводчикомъ, выкинуть, чѣмъ дѣлать нелѣпость—и дома, запросто, Эльмирѣ вляяться въ такомъ необычномъ для домашняго обихода нарядѣ.

Еще одно замѣчаніе: почему гг. Шумскій и Самаринъ при окончаніи 3-го акта не исполняютъ того, что написано Мольеромъ: «*Politesses pour sortir le dernier, enfin Tartuffe cede et sort le premier.*» т. е.: у дверей Тартюфъ и Оргонъ уступаютъ другъ другу дорогу и приглашаютъ одинъ другаго пройти впередъ, наконецъ Тартюфъ уступаетъ и проходитъ первымъ. Конечно, это малость, но вѣдь это черта времени, черта нравовъ, не стершаяся совсѣмъ еще и въ наше время. Мариво даже на этой учливой уступчивости, кому пройти въ дверь первымъ, основалъ одну изъ самыхъ забавныхъ сценъ своей комедіи «*La fausse Agnes*». У него въ этой комедіи двѣ барыни при концѣ перваго акта чинятся, кому войти первой и уступаютъ одна другой дорогу. На ихъ взаимной любезности и уступчивости въ томъ, кому первой войти въ дверь, опускается занавѣсъ, а слѣдующій актъ начинается тѣмъ, что онѣ все еще стоятъ въ дверяхъ и уступаютъ другъ другу дорогу. Эта взаимная уступчивость и вѣжливость едва не доводитъ ихъ до ссоры, но одинъ мушкетеръ миритъ ихъ тѣмъ, что беретъ подъ руки и вводитъ ихъ вмѣстѣ.

Заговоривъ о *Тартюфѣ*, скажемъ кстати, что въ концѣ прошлаго года вышелъ вторымъ изданіемъ переводъ этой комедіи, сдѣланный В. А. Казадаевымъ. Первоначально переводъ этотъ былъ напечатанъ въ *Русской Сценѣ*, теперь онъ изданъ отдѣльно въ исправленномъ видѣ. На сценѣ у насъ даютъ переводъ Хмѣльницкаго, сдѣланный лѣтъ сорокъ тому назадъ, но очень мало уста, вѣшій. Переводъ этотъ сдѣланъ не слово въ слово, не стихъ въ стихъ, онъ иногда далеко отходитъ отъ буквы подлинника, въ немъ есть нѣкоторыя отступленія, сокращенія и даже передѣлки, но все-таки онъ хорошо сохраняетъ и передаетъ духъ подлинника, притомъ онъ сдѣланъ хорошими стихами. Главный недостатокъ его — сдѣланный Хмѣльницкимъ перемѣны, не знаемъ для чего, особенно перестановки, въ которыхъ онъ слова одного лица передаетъ другому. Такъ напр. тираду объ Орантъ, произносимую Дориною, къ невыносимому характеру которой она такъ идетъ, Хмѣльницкій передалъ Эльмирѣ, къ сдержанному и осторожному характеру которой она вовсе не пристала. Мы не рѣшимся сказать, чтобы переводъ г. Казадаева вообще превосходилъ переводъ Хмѣльницкаго, но можемъ засвидѣтельствовать, что онъ гораздо ближе къ подлиннику, чѣмъ переводъ Хмѣльницкаго. Это трудъ весьма добросовѣстный, но въ немъ есть одинъ недостатокъ: переводчикъ слишкомъ гнался за буквальною близостью къ подлиннику; у него переводъ сдѣланъ стихъ въ стихъ, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстъ, какъ напр. тирады Клеанта о ханжахъ и лицемѣрахъ (актъ I сц. VI). Это дало переводчику возможность напечатать свой переводъ en regard съ текстомъ. Сдѣлать такой близкій переводъ трудъ не легкій и не удивительно, что такая погоня за близостью была причиною, что нѣкоторые мѣста переданы г. Казадаевымъ неудачно. Такъ напр. стихи:

Il m'enseigne à n'avoir affection pour rien

De toutes amitiés il detache mon ame
Et je verrais mourir frere, enfans, mere et femme,
Que je m'en soucieraient autant que de cela,

переведены почти буквально г. Казадаевым:

И такъ въ душѣ моей премудро онъ устроилъ,
Что дружбы и любви я не хочу и знать:
Ну, умирай жена, или дѣти, или мать;
Теперь я до того окрѣлъ его совѣтомъ,
Что сожалѣть объ нихъ я буду... какъ объ этомъ.

Между тѣмъ послѣдній стихъ вышелъ непонятенъ, особенно послѣдніе слова: *какъ объ этомъ* (объ чемъ объ этомъ?) У Хмѣльницкаго стихи эти переведены понятнѣе:

Онъ учить не имѣть пристрастия ни въ чему
И такъ онъ укрѣпилъ мнѣ душу превосходно,
Что смерти жены, друзей и всѣхъ, кого угодно
Вотъ не настолько меня не огорчить.

Мы могли бы указать еще нѣсколько мѣстъ, гдѣ желаніе буквальной передачи подлинника заставляетъ переводчика прибѣгать къ неловкимъ приемамъ, но мѣсто не позволяетъ намъ этого сдѣлать. Повторимъ, трудъ г. Казадаева — трудъ почтенный и добросовѣстный. Жаль только, что онъ палъ на комедію, имѣющую уже и безъ того удовлетворительный переводъ. Конечно, добросовѣстный переводъ комедіи Мольера, хотя уже и переведенной прежде, не лишній въ нашей литературѣ, но онъ составляетъ нѣкотораго рода роскошь, въ то время, какъ остаются другія комедіи Мольера еще непереведенными на русскій языкъ. Ну, что бы г. Казадаеву съ его умѣньемъ такъ близко передавать стихи Мольера, заняться переводомъ его комедіи *Les femmes savantes*, которая еще ни разу, если не ошибаемся, не была переведена по русски?

В. Родиславскій.

ПИСЬМО КЪ Г. РОСТИСЛАВУ

по поводу появления г. Нильскаго въ роли Іоанна Грознаго (*).

Вы принимали такое живое участіе въ трагедіи *Смерть Іоанна Грознаго* съ самой ея постановки на сцену (ваши журнальныя статьи служатъ тому доказательствомъ), что я чувствую потребность высказать вамъ мое мнѣніе объ игрѣ г. Нильскаго въ роли Іоанна. По моему убѣжденію, ни одинъ изъ русскихъ артистовъ не передалъ этого характера такъ удовлетворительно, какъ г. Нильскій. Я знаю, что многіе со мной не согласятся и скажутъ, что я подкупленъ тѣмъ, что г. Нильскій всегда твердо знаетъ свою роль. Сознаться, что обстоятельство это расположило меня въ пользу г. Нильскаго съ перваго моего съ нимъ знакомства. Въ одной французской поварской книгѣ сказано: чтобъ сдѣлать соусъ изъ зайца,

(*) Послѣ гг. Васильева и Самойлова, исполнявшихъ доселѣ на петербургской сценѣ роль Грознаго въ трагедіи графа Толстаго, въ концѣ апрѣля появился въ этой роли г. Нильскій. Объ игрѣ его въ ней напечатано въ газетѣ *Голосъ* письмо къ г. Ростиславу самого автора пьесы. Мы заимствуемъ это письмо для *Антракта*, считая весьма интереснымъ, какъ мнѣніе объ игрѣ актера въ трагедіи, высказанное самимъ авторомъ, такъ и общія требованія, предъявляемыя гр. Толстымъ для сценической игры.

Ред.

нужно прежде всего достать зайца. Изреченіе мудрое, которое можно перефразировать такъ: чтобъ хорошо сыграть свою роль, нужно прежде всего ее выучить. Г. Нильскій выучилъ объ свои роли (Годунова и Іоанна) почти безукоризненно. Я говорю почти и этимъ заявляю мое безпристрастіе, но и нѣкоторыя вкравшіяся неправоильности въ роляхъ г. Нильскаго доказываютъ только одно: что преданіе строгой драматической школы на нашей сценѣ потеряно. Ни самъ авторъ, ни большинство публики не поражаются перестановкою словъ, искажающей стихи и глубоко оскорбляющей метрическое ухо. Изъ всѣхъ нашихъ артистовъ (за исключеніемъ г. Леонидова) Нильскій одинъ знаетъ свою роль наизусть и тѣмъ исполнилъ первое условіе, требуемое отъ драматическаго артиста.

Но онъ не ограничился однимъ знаніемъ: онъ проникнулся характеромъ представляемаго имъ лица, не пренебрегъ ни одною его чертою и разрѣшилъ трудную задачу соединить царственность со всѣми видами страсти. Нѣкоторыя мѣста вышли у него потрясательны. Такъ, напримѣръ, при чтеніи синодика, онъ превосходно сказалъ:

«Пятнадцать!»

«Ихъ было болѣе—двадцать напими!»

Это мѣсто не только не вызвало у зрителей улыбки, какъ случалось на разныхъ сценахъ, гдѣ давали *Смерть Іоанна*, но произвело глубокое впечатлѣніе.

Слушая Нильскаго, я вспомнилъ, что мнѣ сказалъ веймарскій актеръ Лефельдъ, когда я, опасаясь неудачи, предложилъ ему выпустить это мѣсто.

—Ни за что!—возразилъ Лефельдъ.—Ich werde ihnen schon das Lachen vertreiben!—(Я отобью у нихъ охоту смѣяться!)—И дѣйствительно, никто не улыбнулся.

У Лефельда несравненно болѣе природныхъ средствъ, чѣмъ у Нильскаго, но въ томъ и заключается заслуга Нильскаго, что онъ воспользовался всѣми своими средствами, которыя, впрочемъ, далеко не малы. Прекрасно выразилъ онъ ужасъ Іоанна въ словахъ:

«Что тамъ скребетъ въ подпольѣ?»

Прекрасно упалъ на колѣни передъ боярами и прекрасно прервалъ Шуйскаго словами:

«Молчи, холопъ!»

за которыми произнесъ первые строки своего покаянія голосомъ гнѣва и угрозы. Это намѣренное противорѣчіе голоса съ содержаніемъ словъ произвело эффектъ сильный, психически вѣрный и совершенно новый. Очень тонко выразилъ Нильскій въ сценѣ Іоанна съ волхвами то чувство, которое овладѣваетъ Іоанномъ въ присутствіи недоброй силы. Онъ ее и вызываетъ, и отрекается отъ нея, и боится ея, и хочетъ ее наказать. Все это слышалось въ его голосѣ и видѣлось на его лицѣ. Такихъ тонкихъ чертъ у Нильскаго было много; но были также и недостатки.

Въ сценѣ съ Гарабурдой онъ показался мнѣ нѣсколько однообразенъ. Когда Гарабурда бросилъ ему перчатку, онъ долженъ былъ, по моему мнѣнію, сперва помолчать, а потомъ начать совершенно тихо и сдержанно, почти шопотомъ:

«Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?
«Ты, или король? Къ чему парчатка эта?

а за тѣмъ уже дать волю своему гнѣву и дойти до бѣшенства.

Въ пятюмъ актѣ, когда его вносятъ на креслахъ, онъ былъ недовольно хилъ и изнуренъ. Въ своей послѣдней сценѣ онъ добровольно лишилъ себя того огромнаго эффекта, которымъ такъ удачно воспользовался Лефельдъ, когда, уже лежа на полу, онъ увидѣлъ скомороховъ и отползъ отъ нихъ въ ужасѣ.

Гримированъ былъ Нильскій, въ день своего дебюта, неудовлетворительно, но за то въ слѣдующій разъ нельзя было желать лучшей фигуры и лучшей маски.

Вы видите, что я говорю о Нильскомъ безпристрастно, про и contra. Повторяю, что, по моему мнѣнію, онъ былъ на русской сценѣ лучший изъ всѣхъ Иоанновъ, и предсказываю ему вообще, какъ трагическому актеру, блистательную будущность, если онъ, при своемъ пониманіи и при своихъ средствахъ, выработаетъ въ себѣ ту строгую школу, безъ которой невозможна серьезная драма. Какъ ни велики дарованія актера, онъ не достигнетъ совершенства однимъ вдохновеніемъ, какъ не достигнетъ его и пѣвецъ, при самомъ прекрасномъ голосѣ, безъ школы и методы. Естественность въ искусствѣ, конечно, необходима. Всякое появленіе въ его области, къ какой бы отрасли оно ни принадлежало, должно быть естественно, т. е. должно согласоваться съ законами правды; но сущность искусства есть высшая красота, или высшая правда (что одно и то же), и потому не всякое естественное проявленіе годится въ искусствѣ, которое отвергаетъ все случайное, все ненужное, и сохраняетъ только то, что ведетъ прямо къ цѣли, т. е. къ выраженію заданной идеи. Фотографія, воспроизводящая всѣ случайности природы, никогда не войдетъ въ область искусства; но живопись, игнорирующая бесполезныя подробности и признающая только тѣ черты подлинника, которыя составляютъ его *характеръ*, — есть одно изъ высшихъ выраженій искусства. Въ сценическомъ воспроизведеніи характеровъ, болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, должно держаться одного необходимаго, одного ведущаго къ цѣли. Сценическое искусство менѣе, чѣмъ всякое другое, допускаетъ случайности. Каждое лишнее движеніе (я уже не говорю о движеніяхъ фальшивыхъ) не только бесполезно, но и вредно. Рама, въ которой вращается драматическое представленіе, такъ узка, время, ему удѣленное, такъ ограничено, что каждая минута драгоценна для артиста и каждое его движеніе знаменательно. Онъ не имѣетъ права не только на что нибудь ложное, но и на что-нибудь *индифферентное*. Индифферентизмъ на сценѣ есть потеря времени, которая ничѣмъ не вознаграждается. Мѣста, приносимыя актеромъ безцвѣтно, или въ которыхъ онъ встаетъ, или садится, или ходитъ взадъ и впередъ безъ надобности — равняются мѣстамъ, вычеркнутымъ изъ его роли, если (что еще вѣроятнѣе) они не наводятъ скуки на зрителя.

Сказать, что г. Нильскій вполне созналъ всю важность этого правила, значило бы отклониться отъ истины.

Но я смѣю утверждать, что онъ созналъ его лучше, чѣмъ другіе, видѣнные мною Иоанны; могу сказать также, что если не всѣ мѣста были переданы имъ равно знаменательно, онъ ни одного не передалъ фальшиво.

Видѣть и слышать Нильскаго доставило мнѣ художественное наслажденіе, и я сожалѣлъ только объ одномъ: что, приобравъ въ немъ замѣчательнаго Иоанна, публика лишилась замѣчательнаго Годунова, котораго она не цѣнила по заслугамъ, но котораго достоинство почувствуется чрезъ его потерю.

Гр. А. К. Толстой.

ОТВѢТЪ Г-ну ВИЛЬДЕ.

Еще недавно долженъ я былъ оправдываться отъ взведеннаго на меня старшиною Артистическаго Кружка, г-мъ Вильде, обвиненія въ печальномъ равнодушіи къ этому учрежденію, — и вотъ опять даровитое перо автора комедіи *Въ глуши* вызываетъ меня къ печатному отвѣту. Не принадлежа къ числу безгранично самолюбивыхъ людей, которымъ больно сознаться въ сдѣланной ими ошибкѣ, я бы никогда не рѣшился утомлять и публику, и редакцію *Антракта* длинной полемикой изъ-за весьма незначительныхъ, почти неслуживающихъ вниманія обстоятельствъ, еслибы въ доводахъ моего оппонента было болѣе доказательности и менѣе искаженія моихъ словъ и мыслей. Я вполне сознаю, что борьба съ такимъ противникомъ, какъ г. Вильде, мнѣ далеко не по силамъ; но однакоже льщу себя надеждой, что замѣтку мою, хотя и лишенную того остроумія, того яда тончайшей прои, которыми преисполнено все, что пишетъ противъ меня г. Вильде, читатель не откажется пробѣжать, ради правды, возстановленіе которой и составляетъ мою главную цѣль. Въ отзывѣ моемъ о второмъ спектаклѣ Кружка, я выразилъ сожалѣніе, что комедію *Свои люди соштемся*, которую предполагали дать въ этотъ спектакль, замѣнили *Шутниками*, одной изъ слабѣйшихъ піесъ г. Островскаго, (или, говоря оффиціальнымъ слогомъ г. Вильде: что была измѣнена *предначертанная* старшинами программа). Не вдаваясь въ распросы, почему такъ случилось, я прибавилъ только, что если справедливы слухи, будто *Свои люди* признаны распорядителями спектаклей піесой заигранной, то, по моему, это сообщеніе не вѣрно, потому что *Своихъ людей*, какъ и *Ревизора*, *заиграть нельзя*. Вотъ все что, я сказалъ. Кажется, г-ну Вильде слѣдовало бы только отвѣтить мнѣ, если ужъ онъ нашелъ необходимымъ отвѣчать, что слухи эти лишены основанія и что *Свои люди* отмѣнены вовсе не потому, чтобы эту піесу распорядители считали заигранною, а вслѣдствіе разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, когорыхъ разоблачить печатно г. режиссеръ не имѣетъ права. Но г. Вильде съ негодованіемъ напускается на меня за вопросы, которыхъ я положительно не дѣлалъ и которые онъ самъ сочинилъ и навязалъ мнѣ. Какъ будто я, съ ножемъ къ горлу, пристуналъ къ старшинамъ: скажите,

моль, объясните печатно, почему отмѣнили *Своихъ людей*, назовите тѣхъ, кто виноватъ въ этой отмѣнѣ, кто капризничалъ, кто отказался играть, кто не повиновался режиссеру! А я рѣшительно ни о чемъ подобномъ и не заикался въ своей замѣткѣ и только позволилъ себѣ выразить преступное мнѣніе, что если ужъ почему нибудь нашли неудобнымъ дать *Своихъ людей*, то неужели изъ многочисленныхъ пьесъ г. Островскаго нельзя было выбрать чего нибудь посерьезнѣе *Шутниковъ*? Полемиическій приемъ г. Вильде не новъ; онъ зачастую встрѣчается въ журналистикѣ, но въ какой степени онъ похваленъ—предоставляю судить читателямъ. За тѣмъ г. Вильде остроумно замѣчаетъ, что доказывать превосходство *Своихъ людей* надъ *Шутниками* значитъ повторять истину въ родѣ *verite de m-g de la Palisse*, и что всѣ раздѣляютъ мой справедливый взглядъ на этотъ счетъ. Но опять таки я въ своей замѣткѣ и не помышлялъ проводить параллели между тѣмъ и другимъ произведеніемъ нашего драматурга. Я не менѣе г. Вильде понимаю, что это было бы крайне смѣшно; вѣдь это все равно, какъ еслибы я, напримѣръ, сталъ доказывать, что г. Шумскій гораздо даровитѣе г. Вильде, т. е. то, что для всякаго очевидно?

Далѣе г-ну Вильде кажется весьма страннымъ высказанное мною желаніе, чтобы Кружокъ сразу рекомендовалъ себя и отличился на славу какъ выборомъ пьесъ, такъ и исполненіемъ. На чемъ, спрашиваетъ мой оппонентъ, основывалъ я столь смѣлыя ожиданія? На томъ, отвѣчу я, что спектакли въ Арт. Кружкѣ начались тогда, когда всѣ прежніе любительскіе кружки разстроились, и слѣдовательно Арт. Кружку предстояло соединить всѣ разрозненныя силы; такъ, что составъ его труппы могъ выйти богаче талантами, нежели теперь. (Тогда и отмѣны спектаклей были бы рѣже. Если одинъ отказался играть, его можно бы было замѣнить другимъ. А теперь попробуй отказаться отъ какой нибудь роли хоть напр. г. Сусоровъ, желательно бы знать, кѣмъ можно его замѣнить?) Это относительно исполненія. А относительно выбора пьесъ мои смѣлыя ожиданія основывались на томъ, что нынѣшній составъ старшинъ Арт. Кружка, распоряжающихся спектаклями, заключаетъ въ себѣ знаменитыхъ писателей, актеровъ, ученыхъ и т. д., то есть людей компетентныхъ, которые, какъ я полагалъ, будутъ всѣми силами стремиться къ осуществленію цѣлей Кружка, выраженныхъ въ одной изъ статей его устава, гдѣ говорится о распространеніи здравыхъ эстетическихъ понятій въ массѣ, объ ознакомленіи массы съ художественными произведеніями и т. д. Но мои «смѣлыя ожиданія» были на первыхъ же порахъ разрушены, когда я прочелъ печатно высказанное г-мъ Вильде мнѣніе, что спектакли Арт. Кружка должны преимущественно служить для упражненія экстерныхъ воспитанниковъ и когда на афишахъ Кружка начали появляться фарсы самаго балаганнаго свойства. Потомъ еще одно обстоятельство окончательно доканало мои смѣлыя ожиданія. Я узналъ, что какъ только задумалось въ Кружкѣ устройство спектаклей, туда явилось

нѣсколько весьма талантливыхъ личностей, принадлежавшихъ къ прежнимъ любительскимъ обществамъ, съ заявленіемъ своего желанія принять участіе въ спектакляхъ Кружка; но, услышавъ, что режиссеръ не избирается самими любителями, а назначается *по предначертанію* гг. старшинъ, всѣ эти личности тотчасъ же смиренно ретировались. Стало быть, слова г. Вильде, что для сліянія всѣхъ силъ воедино, необходимо болѣе времени, и что это зависить не отъ одного Кружка, но и отъ этихъ силъ, не совсѣмъ справедливы; сліяніе могло давно произойти и сами *силы* желали этого сліянія, а не пожелать его Кружокъ. Г. Вильде изъ моихъ словъ выводилъ курьезное заключеніе, что для меня количество важнѣе качества. На это я ему отвѣчу тоже истинной въ родѣ *une verite de m-g de la Palisse*: нѣсколько талантовъ конечно лучше, чѣмъ много бездарностей; но много талантовъ еще лучше, чѣмъ мало талантовъ. Если я сказалъ, что публика скучала при представленіи *Шутниковъ*, то въ этомъ не заключается ничего «діаметрально противоположнаго», какъ говоритъ г. Вильде, съ моимъ отзывомъ объ игрѣ каждаго исполнителя въ отдѣльности. Г. Вильде приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ этотъ отзывъ, но по своему обыкновенію выкидываетъ то, что можетъ подкрѣпить доводы его противника и ослабить его собственные доводы. Я сказалъ, что г. Макшѣевъ былъ вообще хорошъ, но прибавилъ, что во многихъ мѣстахъ у него слышалось повтореніе его прежнихъ ролей и что лицо у него вышло не новое и не имъ созданное. Г-жа Лазарева хотя была и удовлетворительна, но значительно хуже г-жи Васильевой. Скажите на милость, какое же удовольствіе публикѣ смотрѣть въ Арт. Кружкѣ пьесу, которая, не заключая въ себѣ никакихъ капитальныхъ достоинствъ, еще въ добавокъ несравненно лучше исполнялась на сценѣ Малаго театра, гдѣ ее ужъ двадцать разъ всѣ видѣли?

Я не могу никакъ согласиться съ г. Вильде, что любитель не можетъ *жить* въ своей роли. Мнѣ кажется, совершенно напротивъ: актеръ, играющій по обязанности 20 разъ одну и ту же роль, перестаетъ въ ней наконецъ жить и исполняетъ ее рутинно, заученно, съ плеча. Иначе не можетъ быть: физическихъ силъ не хватитъ, организмъ не выдержитъ, если съ одинаковой страстностью исполнять двадцать разъ сряду какую нибудь патетическую роль. Для любителя игра на театрѣ не ремесло; онъ играетъ когда и въ чемъ хочетъ и слѣдовательно можетъ болѣе *жить* въ своей роли, нежели актеръ. Ансамбль же, общее впечатлѣніе, можетъ въ любительскомъ спектаклѣ быть еще лучше, чѣмъ въ театрѣ, потому что даже самыя незначительныя, второстепенныя и третьестепенныя роли бываютъ у любителей исполняемы съ болѣе тщательностью, если любительская труппа заключаетъ въ себѣ много дарованій. Любитель не откажется отъ исполненія такихъ ролей, тогда какъ въ театрѣ талантливый первоклассный актеръ ни за что не появится въ незначительной роли, или, по крайней мѣрѣ, это бываетъ

чрезвычайно рѣдко, въ такихъ случаяхъ, когда первоклассный актеръ желаетъ этимъ доказать уваженіе къ автору пьесы, или когда имя его нужно для бенефисной афишки его товарища. Г. Вильде говорить, что нужно соображаться съ средствами Кружка, и что есть конечно прекрасныя произведенія, но которыя бы потребовали большихъ расходовъ. Никто и не требуетъ отъ Кружка, чтобы онъ ставилъ на своей сценѣ *Воеводу* г. Островскаго; но есть пьесы несравненно лучше, нежели *Шутники*, и которыя не потребовали бы затратъ, сдѣланныхъ на эту комедію. Вѣдь написали же для *Шутиковъ* новую декорацию, которая рѣшительно не можетъ пригодиться ни для какой другой пьесы. Полагаю, что эта декорация не дешево стоила, и что едва ли сборъ отъ *Шутиковъ* покрылъ все издержки этого спектакля. Зала была болѣе чѣмъ, на половину пуста. Да и вообще, какъ мы видѣли изъ отчета, читаннаго на дняхъ въ Кружкѣ (объ этомъ отчетѣ и о весьма важномъ предложеніи гг. старшинъ относительно лотерейной суммы я поговорю подробнѣе въ одномъ изъ ближайшихъ №№ *Антракта*), спектакли дали въ результатѣ дефицитъ, тогда какъ члены ожидали напротивъ, что спектакли значительно поддержать средства Кружка. Согласитесь, что это не особенно свидѣтельствуетъ о сочувствіи публики къ спектаклямъ Арт. Кружка.

Еще большее неудовольствіе возбуждаетъ въ г-нѣ Вильде мой отзывъ объ игрѣ г-жи Михайловой. Онъ спрашиваетъ меня, почему я говорю отъ лица публики, которой, по моимъ словамъ, пріятнѣе было бы видѣть въ этой роли г-жу Мочалину? На это я отвѣчу, что г-жа Мочалина, въ сценахъ Островскаго: *Праздничный сонъ*, очень хорошо зарекомендовала себя передъ публикой и удостоилась громкихъ рукоплесканий и вызова. Въ этой роли она именно отличалась неподдѣльной наивностью; а такъ какъ роль Вѣрочки въ *Шутикахъ* тоже принадлежитъ къ числу наивныхъ, то мнѣ казалось, что г-жа Мочалина была бы тутъ вполне на мѣстѣ. Что же касается до г-жи Михайловой, то публика постоянно принимаетъ ее весьма холодно; я не припомню, чтобы она когда нибудь была вызвана. Мнѣ нравится аргументъ г. Вильде, что никакихъ *непріязненныхъ выводовъ относительно* этой любительницы въ Кружкѣ не дѣлали. Что же, по его мнѣнію, нужно бросать въ любителей, которые не нравятся, — мочеными яблоками? Или шикать имъ со скандаломъ? Но развѣ это дѣлается на любительскихъ спектакляхъ? Молчаніе — вотъ все, чѣмъ принято у публики выражать на подобныхъ спектакляхъ свое неудовольствіе. И почему я имѣю право, давая отчетъ о представленіяхъ на Маломъ театрѣ — заявить печатно, что напрасно дирекція даетъ такую то роль такому-то артисту, нелюбимому публикой, тогда какъ другой, болѣе любимый публикой лучше бы былъ въ этой роли, а о спектакляхъ Артистическаго Кружка не въ правѣ сказать того же? Весьма сожалѣемъ, что г-жа Горохова, за которою и самъ г. Вильде признаетъ дарованіе, не-

рестала участвовать въ спектакляхъ Кружка по нежеланію. Намъ тѣмъ болѣе удивляетъ это нежеланіе, что Кружковская публика всегда принимала г-жу Горохову восторженно.

Но вотъ чего я рѣшительно не могу взять въ толкъ: гдѣ найдешь у меня г. Вильде — *темный* намекъ на какія-то *темныя* соображенія? Неужели въ моихъ словахъ, что г-жа Михайлова, не смотря на видимую холодность къ ней публики, все-таки неизбѣжно является въ каждомъ спектаклѣ? Ни о какихъ соображеніяхъ ни темныхъ, ни другихъ тутъ, кажется, нѣтъ и помину. Но если угодно г. Вильде, то я готовъ разъяснить, при какихъ именно условіяхъ, по моему мнѣнію, актрисы, подобныя г-жѣ Михайловой, могутъ часто являться на любительскихъ спектакляхъ. Онѣ могутъ являться тамъ, гдѣ распределеніе ролей зависитъ отъ личнаго взгляда одного лица, гдѣ не существуетъ конкурса. Мнѣ вотъ не нравится г-жа Михайлова, я нахожу, что у ней нѣтъ и тѣни дарованія, и еслибъ я былъ режиссеромъ, я бы не далъ ей никакой роли, а г. Вильде, совершенно на-противъ, находитъ ее талантливой и безпрестанно даетъ ей роли. Я конечно могу ошибаться но можетъ также ошибаться и онъ. А еслибы судьями являлись избранные самими членами Кружка эксперты, то всякій личный взглядъ былъ бы устраненъ. Эксперты — это та же самая публика. Я не разъ слышалъ отъ самихъ исполнителей, что настоящаго конкурса въ Кружкѣ нѣтъ, что конкурсъ тамъ есть пустая формальность, что судьями при этомъ конкурсѣ является самъ же г. Вильде съ другимъ старшиной, ничѣмъ не заявившимъ свою компетентность въ дѣлѣ драматическаго искусства; тогда какъ тутъ же, въ Кружкѣ, почти ежедневно находятся такіе артисты какъ Садовскій и г-жа Васильева, которыхъ совѣтъ, кажется, могъ бы быть очень и очень полезенъ...

Находя въ г-жѣ Михайловой талантъ, г. Вильде очень естественно даетъ ей роли чуть не въ каждой пьесѣ. Онъ, можетъ быть, даже думаетъ, что если публика къ ней холодна, то это потому, что истинное дарованіе масса неспособна съ разу оцѣнить и понять и что надо ее пріучить къ нему. И обвинять за это г. Вильде конечно нельзя. У всякаго свой взглядъ и свой вкусъ и каждый въ правѣ дѣйствовать сообразно своему убѣжденію. Стало бытъ, и темныхъ соображеній никакихъ предполагать тутъ не зачѣмъ. Дѣло объясняется очень просто. Можно только сътовать на то, что въ дѣлѣ устройства спектаклей Кружка очень мало принимаютъ участія всѣ члены его, что произволъ одной личности замѣняетъ здѣсь начало *коллегіальное*. Я помню, что сперва объ этой коллегіальности были толки въ Кружкѣ, что была даже выбрана литературно-театральная комиссія, которая однако же ни разу не собиралась и была наконецъ совсѣмъ уничтожена по *предназначеніямъ* гг. старшинъ. А еслибы сами члены Кружка принимали большее участіе въ спектакляхъ, если бы были выработаны постоянныя правила для нихъ, то и выборъ пьесъ былъ бы лучше и устранились бы тѣ обстоятель-

ства, которыя часто заставляют измѣнять предположенный спектакль, и роли бы лучше распредѣлялись. Въ этомъ случаѣ я позволяю себѣ обратиться къ воспоминаніямъ г. редактора *Антракта*, который былъ нѣсколько лѣтъ режиссеромъ въ Марковскомъ Кружкѣ. Пускай онъ скажетъ, часто-ли бывала тамъ измѣняема программа спектакля? *) Гдѣ все дѣло зависить отъ одной личности, никогда не можетъ быть полного успѣха. Хорошо, что режиссеромъ теперь г. Вильде, человѣкъ не бездарный, правдивый чуждый закулисныхъ интригъ, ставящій искусство выше своихъ личныхъ цѣлей, не способный мирволить бездарности и отбѣснять для неловкихъ исполнителей, а если и распредѣляющій иногда роли ошибочно, то все-таки вслѣдствіе своего личнаго убѣжденія; но, представьте себѣ, что вмѣсто г. Вильде на будущій годъ режиссеромъ и полновластнымъ распорядителемъ спектаклей будетъ человѣкъ лишенный всѣхъ этихъ хорошихъ качествъ, характеризующихъ г. Вильде, что же можетъ произойти? Спектакли неминуемо упадутъ, публика перестанетъ посѣщать ихъ, да и сами исполнители, пожалуй, разбредутся и составятъ другой кружокъ-внѣ клуба. При внимательствѣ всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ Кружка въ дѣла спектаклей, при выборахъ въ режиссеры и въ эксперты ничего этого быть не можетъ. Но не пора ли однакоже кончить. Мнѣ остается въ заключеніе поблагодарить моего противника за его комплиментъ «моей талантливой поэзіи» и за его лестное для меня мнѣніе, что гимназистъ 2-го класса не напишетъ такихъ стиховъ, какъ я. Къ сожалѣнію моему, я не могу отплатить ему таковымъ же комплиментомъ, ибо, по моему крайнему разумѣнію, гимназисты 4-го класса пишутъ для разныхъ торжественныхъ случаевъ, какъ напр. актовъ и т. п. стихи нисколько не уступающіе достоинствомъ тѣмъ, которые г. Вильде также по поводу разныхъ событій (по поводу голода, юбилея Крылова, пріѣзда славянъ, ужина въ честь гг. Никифорова и Степанова) слагаетъ для услажденія московской публики. Чтобы ужъ Артистическому Кружку въ pendant къ этимъ стихотвореніямъ поставить на свою сцену одну изъ комедій ея даровитаго режиссера, котораго недавно *Будильникъ*

*) Я считаю себя не вправе не отвѣтить на вопросъ, который А. В. Плещеевъ обращаетъ прямо ко мнѣ. Въ продолженіе четырехлѣтняго существованія Кружка любителей драматическаго искусства, при моемъ режиссерствѣ не было ни одной отмены, ни перемѣны капитальной пьесы спектакля; у другихъ двухъ главныхъ режиссеровъ (Кружокъ по уставу своему избиралъ трехъ главныхъ режиссеровъ одновременно, которые ставили спектакли или по очереди, или по взаимному соглашенію) таковыхъ отменъ были двѣ (отменены пьесы: *Коварство и любовь* и *Саламейскій судья*). Такая устойчивость репертуара главнымъ образомъ обуславливалась, по моему мнѣнію, двумя причинами: первая — пьесы избирались всѣмъ Кружкомъ; такимъ образомъ на постановку каждой пьесы была воля не одного режиссера, а воля, желаніе всего Кружка; режиссеръ являлся только исполнителемъ этой воли; поэтому члены Кружка помогали всѣми зависящими средствами режиссеру исполнить ихъ волю, ихъ желаніе, и общее дѣло, въ которомъ всѣ принимали живое участіе, шло легко и спорно. Вторая причина — подробный и обстоятельный уставъ, составленный особою коммисіею, избранною Кружкомъ, и потомъ разсмотрѣнный и одобренный всѣми членами. Правила этого устава, какъ по своей рациональности, такъ и по тому что они выражали волю самаго Кружка, добросовѣстно исполнялись его членами.

такъ легкомысленно и несправедливо называть московскимъ Дьяченко?

А. Плещеевъ.

С М Ъ С Ъ.

Русско-Славянскіе Отголоски сообщаютъ, впрочемъ какъ слухъ, что С.-Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ возбудилъ вопросъ объ устройствѣ въ столицѣ народнаго театра и даже проектировалъ самый способъ осуществить эту мысль въ возможной скорости, посредствомъ одной частной предприимчивости, безъ издержекъ со стороны правительства. Новодомъ къ возбужденію этого вопроса было, по словамъ газеты, убѣжденіе, порожденное дѣйствительностію, что низшіе слои столичнаго населенія не имѣютъ никакого морализующаго развлечения и потому, по неволѣ, предаются пьянству и разврату.

Абонементъ на итальянскую оперу въ Москвѣ идетъ весьма успѣшно. Въ первый же день открытія его (14 мая) въ контору Московскихъ театровъ явилась огромная толпа желающихъ абонероваться. Такого большаго стеченія публики дирекція не ожидала и потому не принято было мѣръ для удобства раздачи абонементовъ. На другой же день устроены были хвосты, рѣшетки для котораго были принесены изъ Большаго театра. Большая часть мѣстъ, особенно логи, какъ мы слышали, уже абонерована.

Въ газетахъ сообщаютъ слѣдующія подробности о закладкѣ въ Прагѣ чешскаго народнаго театра. Съ ранней зарей, 4-го мая, городъ началъ принимать праздничный и торжественный видъ. На домахъ развѣшивались флаги, вѣнки и гирлянды, окна украшались коврами, по всѣмъ главнымъ улицамъ, отъ одного газоваго фонаря до другаго тянулись гирлянды изъ живой зелени съ цвѣтами. Стеченіе народа повсюду было громадное, такъ какъ желѣзныя дороги уже нѣсколько дней доставляли гостей въ многочисленныхъ поѣздахъ. Изъ одной Моравіи прибыло до 250 поѣздовъ съ вагонами, наполненными народомъ; всего же, какъ полагаютъ, наѣхало гостей до 100 тыс. чело-вѣкъ. Съ 5 час. утра стали сходитьсѣ чешскія Общества и депутаціи, многія съ музыкой и народными пѣнями. Въ 9 час. загремѣли пушки и началось торжественное шествіе, впереди котораго помѣщались депутаціи изъ Моравіи; за ними верхомъ на лошадяхъ ѣхали депутаты изъ разныхъ чешскихъ округовъ, въ ихъ живописныхъ народныхъ одеждахъ, затѣмъ слѣдовали члены театральнаго комитета съ председателемъ, докторомъ Славскимъ, во главѣ, члены гимнастическаго Общества «Соколы» съ распушеннымъ знаменемъ, въ числѣ до 1,500 чело-вѣкъ, въ великолѣпныхъ костюмахъ; за ними депутація чешскихъ мясниковъ, пивоваровъ, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ; далѣе депутація пражскихъ, хорватскихъ, вѣнскихъ и сербскихъ студентовъ, до 3 тыс. чело-вѣкъ; депутаціи мельниковъ, шпильныхъ мастеровъ и другихъ цеховъ, въ старинныхъ историческихъ одеждахъ. Въ процессіи участвовали до 40 тыс. чело-вѣкъ, 44 хора музыки, 200 знаменъ и 800 лошадей. Къ 10 часамъ шествіе кончилось и всѣ заняли свои мѣста на площади, гдѣ должна была произойти закладка. Тамъ лежалъ уже закладной камень, украшенный двумя вѣнками — однимъ лавровымъ, присланнымъ изъ Москвы, на трехцвѣтныхъ лентахъ котораго видѣлась надпись: «Примите поздравленіе изъ Москвы»; на лентахъ другаго вѣнка было написано: «Согласіе созидаетъ, раздоръ разрушаетъ». Посреди

площади, на мѣстѣ устланномъ коврами, стоялъ столъ, покрытый бѣлой скатерью, на которомъ были разложены вещи, которыя предназначалось положить въ основаніе театра: актъ о zaloженіи театра, брошюра, описывающая торжество, нумера всѣхъ чешскихъ газетъ того дня, различные монеты и медали, вычеканенныя по поводу праздника. Всѣ эти вещи были затѣмъ сложены въ мѣдный ящикъ, который, вмѣстѣ съ закладнымъ камнемъ, при пѣніи величественнаго гимна и восторженныхъ «Слава», былъ опущенъ въ фундаментъ. Затѣмъ председатель комитета по устройству праздника, г. Чижекъ, началъ выкликать имена почетныхъ лицъ, избранныхъ для совершенія ударовъ молота. Такъ какъ ни намѣстникъ, ни высшее духовенство на празднествѣ не присутствовали, то первымъ выступилъ знаменитый чешскій патриотъ и историкъ, престарѣлый Палацкій, и, поклонившись собранію, произнесъ:—Во имя нераздѣльнаго народа чешско-моравскаго, благослови Господи святое дѣло воздвиженія зданія, въ которомъ представляется будетъ нравственная правда въ поученіе народу!» Послѣ него подошелъ представитель земства Шмейколь, затѣмъ Ригеръ, Пражакъ, бургомистръ города—Клауди, знаменитый ученый докторъ Пуркинѣ и другіе. Собраніе разошлось около 2 час., при громкихъ кликахъ «слава» и съ пѣніемъ любимыхъ народныхъ пѣсенъ. Изъ многочисленныхъ телеграммъ, полученныхъ въ этотъ день въ Прагѣ изъ всѣхъ славянскихъ земель Европы, по словамъ чешскихъ газетъ, доставлены изъ Россіи слѣдующія:—отъ московскаго Общества любителей русской словесности, отъ Московскаго университета, отъ чеховъ живущихъ въ Москвѣ, отъ Московскаго Славянскаго комитета, отъ редакціи театральнаго журнала *Антрактъ*, отъ москвитинъ, изучающихъ чешскій языкъ, отъ словеснаго факультета Харьковскаго университета, отъ Петербургскаго Славянскаго комитета, отъ редакцій *Русскаго Инвалида* и *Голоса*, отъ Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ, отъ профессора Нила Попова, редактора *Москвы* Аксакова и профессора Соловьева изъ Москвы, отъ публичной библіотеки и гимназіи въ Вильнѣ, отъ пѣвца Славянскаго и его хора изъ Тулы, отъ главнаго машиниста московскихъ театровъ г. Вальца съ извѣщеніемъ, что онъ вмѣстѣ съ другими декораторами этихъ театровъ приноситъ въ даръ чешскому театру занавѣсъ, и нѣкоторыя другія. Всѣ эти телеграммы напечатаны вполнѣ въ *Народныхъ листахъ* (№№ 136 и 137). На другой день, 5-го мая, комитетомъ для постройки театра данъ былъ большой обѣдъ, на которомъ участвовало до 400 чел., въ томъ числѣ профессоръ Ламанскій и Нарановичъ, Киселевъ и др. изъ Петербурга, г. Губинъ изъ Москвы, хорватскій поэтъ Субботичъ изъ Загреба, представители чешской аристократіи графы Кламъ-Мартиницъ Гарраха и др. Въ числѣ многихъ тостовъ, произнесен-

ныхъ на этомъ обѣдѣ, газеты упоминаютъ тосты гг. Ламанскаго и Нарановича за процвѣтаніе славянской идеи. По окончаніи церемоніи закладки народнаго театра былъ великолѣпный народный праздникъ на Лѣтнѣ, пражскомъ бельведерѣ, послѣ обѣда 4-го (16-го) мая, а въ заключеніе торжествъ этого дня, который навсегда останется памятнымъ въ исторіи чешскаго драматическаго искусства, дано было торжественное представленіе въ новомѣстскомъ театрѣ. Театръ былъ наполненъ самою изящною чешскою публикой, въ роскошныхъ, большею частью національныхъ нарядахъ. Шли двѣ пьесы: пьеса, сочиненная къ дню торжества г. Коляромъ, подъ заглавіемъ «Предсказаніе Либуши» (*Vestba Libusina*) и опера «Далиборъ» Сметаны. Въ пьесѣ г. Коляра представляется горная пещера, мѣстопробываніе чешской Музы. Народная Муза выражаетъ особенный восторгъ по поводу торжества дня, когда положено основаніе для ея храма, и призываетъ Либушу (древнюю королеву чешскую), чтобъ подѣлиться съ нею своею радостью. Либуша, возставшая изъ гроба на призывъ Музы, описываетъ въ яркихъ чертахъ ужасныя страданія потомковъ Чеха, изнемогающихъ подъ игомъ чужеземцевъ, когда чехи потеряли языкъ и прежнюю свободу своихъ предковъ и говоритъ, что теперь, когда народъ возродился и бодро идегъ по пути своего національнаго развитія, можно безъ опасенія глядѣть въ будущность; затѣмъ Либуша предсказываетъ, что Чехія достигнетъ цѣли своихъ національныхъ стремленій. Какъ бы въ подтвержденіе предсказанія, по мановенію Либуши, скалы раздвигаются, и восторженному взору Музы (прибавимъ, и зрителей) представляется великолѣпное зданіе чешскаго народнаго театра. У зданія сидитъ праотецъ Чехъ и съ любовью благословляетъ чешскій народъ и чешскую Музу. Эта народная апофеоза вызвала шумныя рукоплесканія и единодушныя патристическіе возгласы «слава» и «на здар».

15-го мая исполнилось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности начальника репертуарной части и управляющаго императорскимъ санктпетербургскимъ театральнымъ училищемъ, Павла Степановича Оедорова. Артисты русской драматической труппы, желая почтить этотъ день, поднесли юбиляру великолѣпный альбомъ съ фотографическими карточками всей труппы. На маляхъ крышѣ—выпуклыми золотыми буквами начертано: «Павлу Степановичу Оедорову отъ русскихъ драматическихъ артистовъ; 1818—15 го мая—1868». Представители балета (П. Петипа, А. Ивановъ, Гюге и другіе), вмѣстѣ съ преподавателями театральнаго училища, поднесли юбиляру небольшой альбомъ съ серебряной вызолоченной крышкой и также съ фотографическими карточками.

Редакторъ В. Родиславскій.
Издатель А. Пономаревъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е
В Ъ К О Н Т О Р Ъ
КОРЕЩЕНКО СТАРШАГО и К^о,
на Мясницкой, противъ дома г. Черткова,
ПРОДАЖА И ПОКУПКА
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕНТНЫХЪ БУМАГЪ.
ПРОДАЖА, ПОКУПКА И ССУДА ПОДЪ ЗАЛОГЪ

домовъ, земель, лѣсовъ и выкупныхъ ссудъ, по выкупнымъ предъявленнымъ сдѣлкамъ и уставнымъ грамотамъ.

Дозволено цензурою. Москва. Мая 18 дня, 1868 года.

Въ типографіи Нв. Смирнова, на Никол. ул.